

РАЗНОЕ: СООБЩЕНИЯ, РЕЦЕНЗИИ, ЭССЕ
MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 111; 303

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-11

Синёв А. С.

**Многообразие рациональностей:
философско-практический поворот**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы,
д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *sinev_alex@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается существующее многообразие трактовок рациональности, сформировавшееся путем преломления понятия «рациональность» через призму многих специальных подходов, с позиции постановки вопроса о приведении к общему знаменателю описанного разнообразия. Предполагается, что наиболее эффективным на этом пути было бы использование системных методов для обобщения разнообразия существующих рациональностей, выделения в них инвариант. Показывается выход в практическую область с помощью работы с приоритетами, новизна которого состоит в предложенном варианте игровой (универсальной) рациональности, которая может быть использована в любой отрасли знания.

Ключевые слова: рациональность; игровая рациональность; системные методы; дуальный подход; троичность

Для цитирования: Синёв А.С. Многообразие рациональностей: философско-практический поворот // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 118-126. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-11

A. S. Sinyov

Diversity of rationalities: a philosophical and practical turn

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russia;
sinev_alex@mail.ru

Abstract. The article discusses the existing variety of interpretations of rationality, formed by refracting of the concept of "rationality" through the prism of many special approaches. The analysis is carried out from the standpoint of posing the question of reducing the described diversity to a common denominator. It is assumed that the most effective on this path would be the use of system methods to generalize the diversity of existing rationalities, highlighting invariants in them. An exit to the practical area is shown by working with priorities, the novelty of which lies in the proposed version of the game (universal) rationality, which can be used in any branch of knowledge.

Keywords: rationality; game rationality; system methods; dual approach; trinity

For citation: Sinyov, A.S. (2022), Diversity of rationalities: a philosophical and practical turn, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (1), 118-126, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-11

Рациональность как некое специфическое свойство всего «разумного» (поведения, мышления, бытия, действия, цели и пр.) издавна интересовала философскую мысль. Смысловое наполнение понятия рациональности, начиная от Платона и по сегодняшний день, напрямую зависит от того, какими характеристиками наделяется ее носитель, субъект деятельности и мышления. Рациональность рассматривалась с различных сторон: логической, психологической, социальной и других. В разные исторические периоды, в различных философских школах и направлениях она принимала особые формы и каноны, видоизменялась. Со временем в работе с этим концептом назрел ряд вопросов, например:

- Существует ли связь между разными типами рациональности?
- Как они иерархически соотносятся?
- Корректно ли понятие конкуренции между различными их видами или это естественный процесс смены типов рациональности, обусловленный культурно социальными факторами?

Чтобы ответить на эти вопросы, нам придется подняться до уровня философских парадигм или стандарта мышления. Идея недостижимого Абсолютного Разума дала основание для развития классической «логоцентрической» парадигмы, сторонники которой считают, что человек путем интеллектуальной деятельности (мышлением) постепенно познает различные аспекты Абсолютного Разума, двигаясь по этому пути без начала и конца. Путь познания стал основной культурной ценностью для человечества. Ценность познания стала ориентиром, мотивацией и смыслом жизни для ряда культурных эпох.

В нынешнее время «логоцентрическая» парадигма не является основной. В определенном смысле она перестала быть доминирующей и все чаще выступает как

отправная точка для рассуждения об эволюции рациональности или основой для понимания иных рациональностей. Кризис культурных универсалий, набравший силу в XX веке, повлек за собой кризис рационализма. Причины его неоднократно исследованы, но полноты картины мы еще не осознали. Исследования показывают, что социально-политические и экономические факторы усилили культурные противоречия Европы, которые существовали в ней изначально (см.: Сидорина, 2003; Порус, 2008). Самым важным можно назвать «парадокс свободы». Важнейшей культурной ценностью европейской культуры является «свобода», причем свобода личности. И в то же время свобода личности должна уйти на задний план ради единства и выгод общества. Многие века это противоречие нивелировалось посредством идеи Благого Бога. Эта идея наполняла «свободное подчинение» сакральностью, и до определенного времени этого объяснения было достаточно, а сомневающимся предлагалось преодолевать сомнения посредством веры.

Ситуация стала меняться коренным образом с развитием науки, особенно, в гуманитарных отраслях. Со временем идея Бога потеряла свою инвариантность и стала опускаться в иерархии культурных ценностей, все дальше уходя на периферию. Если ранее все противоречия и не постигнутые законы объяснялись через понятие «Абсолюта» как всеведающего Бога, то с распространением научного мировоззрения человек все более стал полагаться на собственный разум. Появилась идея абсолютизировать разум человека, утвердить его главенствующую и определяющую роль. Идеи Абсолютного Бога и Абсолютного человека до сих пор соревнуются между собой, привлекая молодые умы. Нужно отметить, что, уверовав в силу собственного разума, человечество достигло многих результатов и совершило множество открытий, которые

определили современную нашу жизнь. Успехи естественных наук способствовали формированию научной рациональности и ее разновидностей, связанных с различными направлениями человеческой деятельности, такими как творческая, политическая, экономическая, психологическая, коммуникативная, игровая рациональности и т. п. Довольно широкое признание получила теория «ограниченной рациональности» Г. Саймона, признающая нормой частичность рациональности интеллектуальной и практической деятельности людей. (см.: Саймон, 1993).

Все вышеперечисленные рациональности имеют общую (инвариантную) характеристику – ориентацию на результативную деятельность. Деятельность считается рациональной, если она приводит к желаемой цели (планируемому результату), и наоборот, иррациональной, если уволит нас в процессе деятельности от намеченной цели в любом другом направлении. В научной деятельности образцами рациональности выступают методы, имеющие теоретическое обоснование, с помощью которых решаются познавательные и практические задачи. Например, экономическая рациональность представлена методами ведения бизнеса, помогающими максимизировать прибыль при сокращении затрат, ее методы так же имеют теоретические обоснования и практическую апробацию, подкрепленную результатами деятельности (см.: Сорочайкин, Филатова, 2011).

Исследуя рациональность таким путем, мы приходим к пониманию, что понятие «рациональность» сопряжено с понятием «метод» и переходит в область методологии. Ответить на вопрос, рационально ли то или иное действие, можно, изучив структуру, результаты, методы и средства, использованные для достижения цели. Как отмечает В.Н. Порус, «Так, проблема рациональности рассматривается в методологическом измерении, а различные концепции рациональности – как определения критериев, по которым судят о рациональности

тех или иных видов практик» (Порус, 2010: 7).

Идея объяснить рациональность с помощью методологии получила большую популярность в научном мире в XX в. Активно стали развиваться системные методы первого, второго, третьего поколения. Идея Абсолюта человеческого разума вела к «онаучиванию» философии. «Наука делает философию ненужной, как уже теперь не нужна религия» – говорил А.А. Богданов (цит. по: Любутин, Толмачев, 2005: 14). Идеи А.А. Богданова в его труде «Тектология: Всеобщая организационная наука» (1912) стали предтечей кибернетики. Будучи монистом, он считал мир единой системой, в которой нужно только выявить и понять рациональную связь между ее элементами. Тектология имеет родство с русским космизмом, что подтверждается изречением А.А. Богданова: «Когда-нибудь Земля станет центром жизни для всех планет нашей системы – будет заселять их своими эмигрантами...» (Богданов, 1992: 349). Богданов много сделал для развития таких методологических принципов, как ингрессия (принцип всеобщей связи явлений), эгрессия (координация процессов, ответственная за целостность иерархических уровней), дегрессия (ограничение разнообразия состояния элемента или системы). «Методы всякой науки определяются прежде всего ее задачами. Задача тектологии – систематизировать организационный опыт» (Богданов, 2003: 74). В западном научном мире принято считать основателем системного подхода Л. Берталанти, хотя его работы вышли позднее, в 1937 году. (см.: Берталанти, 1973). Оба автора, не имея символического аппарата, изложили свои идеи только в вербальной форме. Это породило многочисленные толкования смыслов. В развитие идей А.А. Богданова и Л. Берталанти появились системные методы второго поколения, которые для описания систем стали использовать предметные языки и символы частных наук (физики, математики, химии и т. п.). Впоследствии оказалось, что системные

методы второго поколения, которых на сегодня насчитывается около 300-400 видов, вместо приближения к Абсолюту, к философскому уровню общности рассматриваемых процессов, скатились в частности своих научных дисциплин и перестали понимать друг друга. Справедливости ради нужно отметить, что системные методы второго поколения принесли немалую пользу обществу в своих отраслях знания, но удалились от того уровня обобщенного понимания системы, о котором говорил А.А. Богданов, пророча уход религии и философии в небытие. Языки, которыми были описаны системные методы второго поколения, ограничили уровень этих методов до размеров их собственных дисциплин. Появились математические, физические, психологические, экономические и многие другие методы описания систем, но философский уровень общности пропал, поскольку не находилось символов для описания такого уровня, а понятийный аппарат частных дисциплин не может вместить в себя высокий иерархический философский уровень. В рамках методологических концепций получили большое развитие семиотические, логико-математические, теоретико-системные и другие научные понятия и методы. Вероятно, это и стало основой появления многомерности рациональности о которой пишет В.Н. Порус (см.: Порус, 2010). Большинство методов использовали математический символизм, что и ограничило их применение, особенно в гуманитарных направлениях (см. Mikhalov, 2018).

Ученые, получившие признание в разработке системных методов второго поколения, – А. Малиновский, М. Месарович, Я. Такахага, А. Уемов, Р. Аккоф, Ф. Емери, У. Ешби, Л. Заде, Ч. Дезоер, С. Оптнер, Е. Юдин, Н. Винер, Д. Гвишиани, В. Садовский, Ю. Урманцев и другие – повлияли на интенсификацию системного управления. Они писали в разных формах и на разных языках (естественных и дисциплинарных), но говорили часто об одном и том же. В частности, теорема Эшби утверждает, что управляющий объект всегда системно

сложнее чем управляемый (см.: Ashby, 1956) (в технике – водопроводный кран сложнее управляемой трубы; в медицине – сердце сложнее, чем сосуды; в философии – общее сложнее отдельного т.к. включает его в себя как элемент). Все эти вещи интуитивно понятны, и мы с ними соглашаемся, но нет единого выражения этой истины, подходящего для всех наук. Существовала даже идея, что на основании этих методов можно будет познать собственные пределы рациональности в рамках одной дисциплины, а потом применить этот метод и в других дисциплинах, таким образом включая их в свои границы (см.: Микешина, 2013). Эта идея не реализовалась по причине, как уже было сказано, различия научных языков и внутридисциплинарного символизма.

Вторая проблема, это отсутствие точного и ясного понятия сложности. Как ее определять и в чем измерять, в каких единицах проводить сравнение объектов различной сложности? В процессе изучения этих вопросов были открыты признаки, которыми должны обладать системные методы третьего поколения. 29 признаков новых методов описал Кеннет Бейли в своем труде «Социология и Новая Системная Теория» (см.: Bailey, 1994). Их можно свести к пяти базовым, как показано в ряде монографий по системным методам третьего поколения, опубликованных на русском языке примерно в эти же годы и даже чуть раньше. А.Н. Малюта в рамках темы инвариантного моделирования сложных систем создал теорию Гиперкомплексных Динамических систем (ГДС) (Малюта, 1989; 1990) и оригинальную теорию Деятельности (Малюта, 1991).

Вышеупомянутые теории относятся к системным методам третьего поколения. Они обладают определенной универсальностью и подходят для описания различных систем, в том числе социальных. В рамках теории деятельности обосновывается понятие субъекта деятельности, или оператора. Без включения в научное знание человеческого фактора невозможно моделировать

социальные процессы, связанные с людьми. «Оператор» является носителем различных параметров, в том числе ценностных. В зависимости от ценностей формируются интересы, интересы ставят цели, цели определяют методы, методы погружают нас в практику, которая часто узкоспециализирована.

В этом алгоритме и определяется вид рациональности (политическая, творческая, экономическая и т. п.). Практическая деятельность направит нас, вероятно, к узкому специалисту, который практикует один из методов второго поколения, получивший широкое применение в его отрасли. Экономические цели будет достигать экономист, пользуясь экономической рациональностью. Военные цели будут достигать военные специалисты в рамках военной рациональности и т. д. У каждого будет свой

субъективный критерий истинности его деятельности. Но, как оказалось, то, что рационально для одного вида деятельности, не рационально для другого. В классической рациональности можно выделить два основных параметра, по которым идет расстановка приоритетов. Первый – максимизация результата (получение максимальной прибыли, максимального прироста населения и пр.), второй – алгоритм достижения цели (он должен быть описан, осознан и быть приемлемым по ряду показателей) (см.: Фахрутдинова, 2019: 132). Именно поэтому узкие специалисты максимизируют каждый свой параметр и выбирают алгоритм достижения, который могут описать и предложить. Естественно, они не находят взаимопонимания, предлагая часто взаимоисключающие варианты действий.

Рис. 1. Определение области оптимальных решений путем пересечения различных рациональностей

Fig. 1. Determining the area of optimal solutions by intersecting different rationalities (economic, political and military)

В реальных условиях ситуация выглядит, примерно, как на рис. 1. Рациональное решение, удовлетворяющее нескольким целевым параметрам, лежит на пересечении и занимает небольшую область в сравнении с

общей площадью возможных решений. Задача поиска этого оптимального решения лежит полностью на первом лице, принимающем решение. Чтобы это сделать, ему

нужно в сознании подняться на более высокий иерархический уровень, что позволит увидеть картину в целом, принять взвешенное решение с учетом понятия меры, приоритетности и адекватности текущей ситуации. Умение работать с большим системным разнообразием не преподается в вузах. Задача вуза, скорее, обратная – подготовить узкого специалиста. Не случайно в СССР для подготовки первых лиц управленческой элиты работала так называемая Высшая партийная школа, которая и формировала целостное системное видение у руководящего состава. Часто мы слышим: «это мудрый руководитель». Если станем его расспрашивать, как он смог принять единственно верное решение, то зачастую услышим ответ: «многолетний опыт» (если отсутствует специальная подготовка). К сожалению, личный опыт сложно передать, особенно словом. Способность видеть в целом (целостное видение) приобретается с годами практической деятельности. Обычно оно проявляется в зрелом, старшем возрасте при наличии большого опыта работы с людьми. Недаром в древней Греции право голоса давалось с 31 года тем, кто имел семью и был свободным гражданином (самодостаточным и ответственным).

Ускорить процесс формирования целостного видения можно путем интеллектуализации социума – обучения в общем и игровой составляющей в частности. Передача знаний через игру практикуется человечеством со времен его появления. Игровой вариант обучения применим ко всем возрастам. В нашем случае важно наличие человеческого фактора в игре: возможность коммуникации, предвидения поведения игроков, создание всевозможных комбинаций и психологических иллюзий, в которые, как муха в паутину, попадают соперники. Игра становится не просто развлечением и поводом для общения, но служит освоению и развитию различных способов взаимоотношений между людьми. И тут важны правила, заложенные в игру, или, иначе говоря, игровая рациональность. Правила нас ограничивают, направляют и мотивируют к

определенным способам мышления и действия. Если создатель правил игры считает рациональным поведением только борьбу, то он создает классические шахматы. В этой рациональности нет места дружбе и сотрудничеству даже на одно мгновение. Игрок должен только побеждать своего соперника. Создавая правила с асимметричной расстановкой изначальных сил (например, шахматы для троих), мы уходим от одного лишь противостояния и добавляем варианты взаимоотношений, такие как нейтралитет, сотрудничество, взаимовыручку и даже предательство. А если в правилах будет заложено только сотрудничество (например, построить дом на двоих или троих)? Какого человека воспитает такая игра? С какими внутренними качествами?

Можно допустить автономное существование так называемой «игровой рациональности». Она обладает высоким уровнем универсальности, может найти свое применение в различных областях знаний для формирования требуемых паттернов в мышлении игроков. Также через игру можно определить, какие паттерны уже сформированы в конкретной личности. Согласно вышеприведенным вариантам игр, «игровая рациональность» может иметь подвиды. Рациональность монизма – когда в игре мы единая команда (одно целое) против ситуации. Рациональность дуализма – нас двое (четное), и каждый сам за себя. Рациональность плюрализма – нас трое (нечетное), и варианты наших отношений состоят из суммы предыдущих двух подвидов. Формируя правила создаваемой игры по одному из вариантов игровой рациональности, мы задаем не только психосоциальный, но и философско-мировоззренческий базис личности, которая формируется путем игровой практики.

Сегодня в мировой практике больше всего присутствуют игры с рациональностью дуализма (от физических единоборств до интеллектуальных). Ярким примером могут служить классические шахматы. Как следствие, в сознании людей, прошедших

через эту игру, формируется устойчивый паттерн борьбы, соперничества, конкуренции. И, как побочный эффект, – фатализм (потеряв крупную фигуру, соперник зачастую сдается). Управленческое сознание в таком виде в XXI веке, при наличии ядерного оружия у многих государств, грозит обернуться исчезновением человеческой цивилизации. Наглядный игровой (модельный) пример тому – финальное состояние шахматной партии. Король, оставшийся в гордом одиночестве на руинах своего и соседнего королевств. Утратив функциональное разнообразие инструментария, он обречен выживать в условиях если не каменного века, то средневековья.

Игры с рациональностью монизма крайне мало распространены. Игры такого типа строятся на принципе дополненности, что гораздо труднее, чем работать по принципу соответствия. Примеры таких игр: номидо, разновидности командообразующих игр. Мыслить как единый организм непривычно отчасти из-за распространенности в сознании рациональности дуализма. Но именно рациональность монизма ведет к сотрудничеству и созидательной деятельности, так необходимой для «устойчивого развития» планеты Земля.

Игровая рациональность плюрализма выступает симбиозом дуальности и монизма или, можно сказать, переходным (стыкующим) вариантом. В играх с нечетным числом игроков размывается понятие противоположности и появляется вариант взаимоотношений сотрудничества и нейтралитета. В таких играх динамично изменяется ситуация (то ты выигрываешь, а то проигрываешь). Такое положение вещей формирует понимание, что жизнь «полосатая». Данный тип игр повышает стрессоустойчивость и увеличивает способность к выживаемости. Переход в сознании от борьбы к сотрудничеству возможен именно через применение игровой рациональности плюрализма.

Итак, многомерность рациональности, как мы показали, – это взгляд узкого

специалиста на решение поставленного вопроса. Реальная цель всегда многомерна и динамична. Она меняется в соответствии с внешними условиями. Путь ее достижения может оптимизироваться по целому ряду параметров. Параметры определяются из реальных возможностей субъекта. Соответственно, рациональность будет иметь другой иерархический уровень, включающий в себя низшие рациональности как частные случаи. Свести всю эту многомерность вариантов к одному решению – непростая задача. Чтобы с ней справиться, нужно развивать в субъекте синтетическое мышление, способность видеть общее в разном, а также способность конструировать ситуацию не только на принципах соответствия, но и на принципах дополненности. Чем больше будет людей с таким уровнем сознания, тем больше мы будем понимать друг друга, учитывая наши различия и используя их не для раздора, а для взаимодополнения, тем самым приближаясь к «планетарному человечеству» (см.: Синева, 2018).

Литература

- Берталанфи, Л. История и статус общей теории систем // Системные исследования. Москва: Наука. 1973. С. 20-37.
- Богданов, А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. Петербург, Москва, Берлин: изд. З. И. Гжебина. 1992. 496 с.
- Любутин, К.Н., Толмачев, В.Д. Александр Богданов: от философии к тектологии / Ин-т философии и права Ур О РАН; Рос. филос. о-во; Межвуз. центр гуманитар. и соц.-полит. образования при Урал. гос. ун-те им. А.М. Горького. Екатеринбург: Издательство «Банк культурной информации», 2005. 244 с.
- Малюта, А.Н. Гиперкомплексные динамические системы. Львов: Высшая школа, 1989. 118 с.
- Малюта, А.Н. Закономерности системного развития. Киев: Научная мысль, 1990. 136 с.
- Малюта, А.Н. Система деятельности. Киев: Научная мысль, 1991. 206 с.
- Микешина, Л.А. Редукционизм как проблема философии науки и эпистемологии //

Эпистемология и философия науки. 2013. Т. XXXVII. № 3. С. 5-13.

Порус, В.Н. Многомерность рациональности // Эпистемология & Философия науки. 2010. Том XXIII. № 1. 5-16 с.

Порус, В.Н. У края культуры (философские очерки). М., 2008. 464 с.

Саймон, Г.А. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS: Теория и история экономических и социальных систем и институтов. 1993. Вып. 3. С. 16-38.

Сидорина, Т.Ю. Философия кризиса: Учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2003. 456 с.

Синев, А.С. Культурологический аспект ноосферного развития. Ноосферное образование в евразийском пространстве. Том восьмой: Ноосферное образование как механизм становления ноосферной России: коллективная научная монография (на основе материалов VIII Международной научной конференции "Ноосферное образование в евразийском пространстве", состоявшейся 6-7 декабря 2018 года в Смольном институте РАО в Санкт-Петербурге) / Под науч. ред. Заслуженного деятеля науки РФ, председателя СПбО и ФС РКО, президента НОАН, вице-президента ПАНИ А.И. Субетто. СПб.: Астерион, 2018. 588 с.

Сорочайкин, А.Н. Филатова, А.В. Экономическая рациональность в современных условиях // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 9 С. 38-42.

Фахрутдинова, А.З. Модели рациональности в основаниях теории принятия решений // Философия науки и техники 2019. Т. 24. № 1. С. 131-144. DOI: 10.21146/2413-9084-2019-24-1-131-144.

Ashby, W.R. Introduction to Cybernetics. London :Chapman & Hall, 1956. 429 с.

Bailey, K. D. Sociology and the new systems theory. toward a theoretical synthesis. New York: State University of New York Press, 1994. 372 с.

Mikhailov, A. Methodological aspects of the study of the modern elite. Actual problems of public administration: ORIPA studies digest / [editor in chief M.M. Izha]. Issue 4 (76). Odessa: ORIPA NAPA, 2018. 140 p.

References

Ashby, W. R. (1956), *Introduction to Cybernetics*, Chapman & Hall, London, UK.

Bailey, K. D. (1994), *Sociology and the New Systems Theory. Toward a Theoretical Synthesis*, State University of New York Press, New York, USA.

Bertalanfi, L. (1973), "History and status of the general theory of systems", *System research, Nauka*, Moscow, Russia, 20-37 (in Russ.).

Bogdanov, A. A. (1992), *Tektologiya: (Vseobshchaya organizatsionnaya nauka)* [Tectology. General Organizational Science], in Z. I. Gzhebina (ed.), Petersburg, Moscow, Berlin (in Russ.).

Fakhrutdinova, A. Z. (2019), "Models of rationality in the foundations of decision theory", *Philosophy of Science and Technology*, 24 (1), 131-144 (in Russ.). DOI: 10.21146/2413-9084-2019-24-1-131-144.

Lyubutin, K. N. and Tolmachev, V.D. (2005), *Alexander Bogdanov: ot filosofii k tektologii* [Alexander Bogdanov: from philosophy to tectology], in Kim, V.V. (ed.), Publishing house "Bank kul'turnoy informatsii", Yekaterinburg, Russia (in Russ.).

Malyuta, A. N. (1991), *Sistema deyatel'nosti* [System of activity], Nauchnaya mysl', Kyiv, Ukraine (in Russ.).

Malyuta, A. N. (1989), *Giperkompleksnye dinamicheskie sistemy* [Hypercomplex dynamical systems], Vysshaya shkola, Lviv, Ukraine (in Russ.).

Malyuta, A. N. (1990), *Zakonomernosty sistemnogo razvitiya* [Patterns of systemic development], Nauchnaya mysl', Kyiv, Ukraine (in Russ.).

Mikeshina, L. A. (2013), "Reductionism as a problem of philosophy of science and epistemology", *Epistemology & Philosophy of Science*, 37 (3), 5-13 (in Russ.).

Mikhailov, A. (2018), "Methodological aspects of the study of the modern elite. Actual problems of public administration", *ORIPA studies digest*, 4 (76), ORIPA NAPA, Odessa, Ukraine.

Porus, V. N. (2008), *U kraya kul'tury (filosofskie ocherki)* [At the edge of culture (philosophical essays)], Moscow, Russia (in Russ.).

Porus, V. N. (2010), "The multidimensionality of rationality", *Epistemology & Philosophy of Science*, 23 (1), 5-16.

Saymon, G. A. (1993), "Rationality as a process and product of thinking", *THESIS: Theory and*

History of Economic and Social Institutions and Systems, 3, 16-38 (in Russ.).

Sidorina, T. Yu. (2003), *Filosofiya krizisa* [Philosophy of crisis], Flinta, Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Sinev, A. S. (2018), “Kul'turologicheskiy aspekt noosfernogo razvitiya” [Culturological aspect of noospheric development], in: *Noosfernoe obrazovanie v evraziyskom prostranstve. Tom 8: Noosfernoe obrazovanie kak mekhanizm stanovleniya noosfernoy Rossii*: [Noospheric education in the Eurasian space. Vol. 8: Noospheric education as a mechanism for the formation of noospheric Russia], in A.I. Subetto ed., Asterion, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Sorochaykin, A. N. and Filatova, A. V. (2011), “Economic rationality in modern conditions”, *Bulletin of Samara State University*, 9, 38-42 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Синёв Алексей Сергеевич, аспирант кафедры философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; sinev_alex@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Alexey S. Sinyov, PhD Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russia; sinev_alex@mail.ru